

САРМАТ

РОМАНЫ О ЛЕГЕНДАРНОМ МАЙОРЕ СПЕЦНАЗА

Группа первая, Rh(+)

Александр ЗВЯГИНЦЕВ

Сармат

Александр Звягинцев
Группа первая, Rh(+)

«ЭКСМО»

1996

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звягинцев А. Г.

Группа первая, Rh(+) / А. Г. Звягинцев — «Эксмо»,
1996 — (Сармат)

ISBN 978-5-699-90118-0

В Никарагуа он был известен как капитан сандинистов Хосе Алварес, в Анголе – как лейтенант Санчес, в Мозамбике – как капитан Кригс. Герой тайных войн, способный выполнить любое задание командования, он может все, кроме одного – предать. Он – майор российского спецназа Сарматов. Но под настоящим именем майора знает только его начальство и вечный противник полковник ЦРУ Джордж Метлоу. Их новая встреча – это и есть поединок истинных профессионалов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90118-0

© Звягинцев А. Г., 1996
© Эксмо, 1996

Александр Звягинцев Группа первая, Rh(+)

Москва, 4 мая 1988 года

Седеющий генерал склонился над картой. Узловатый палец уперся в кружок на стыке ущелий, переходящих в закрашенную зеленым цветом равнину.

– Вот здесь кишлак, майор. Понимаешь, места там глухие, нами и хадовцами никогда не контролировались. До пакистанской границы, если верить карте, километров десять. – Грузный седовласый генерал искоса посмотрел на стройного, атлетического сложения мужчину в ладно сидящем костюме.

– Считаете, что карта ненадежна? – спросил тот.

– Как сказать... Скопирована с английских карт времен англо-афганской войны.

– Ну, тогда верить можно! – кивнул его собеседник и также начал водить пальцем по нарисованным извилинам. Не так просто поверить в то, что где-то далеко в точном соответствии с этими невзрачными линиями существуют реки, дороги, ущелья и горы. – Это тропа на Пешавар? – наконец спросил он у генерала.

– Была тропа. Теперь это грунтовая дорога, по которой из Пешавара к «духам» идут караваны с оружием.

– Штатники пешком ходить не любят – скорее всего, он приедет на джипе, – задумчиво сказал мужчина и повернулся к высокопоставленному собеседнику: – Уточните боевую задачу, товарищ генерал.

Генерал бросил слегка настороженный взгляд на дверь кабинета и, понизив голос, произнес:

– Полевые командиры – это дело десятое... Главное для нас – американец, понимаешь? Его живым нужно взять – и только живым! Кстати, портрет его имеется. Взгляни...

На цветном фото – полковник «зеленых беретов» армии США: широкий разворот плеч, солидная колодка орденских планок на мундире и белозубая американская улыбка, будто насильно приклеенная к мужественному, волевому лицу и оттого выглядящая неестественно.

Майор, взглянув на фото, произнес:

– Где-то я уже встречался с этим улыбчивым полковником.

– Вполне возможно, – усмехнулся генерал.

– Имя известно?

– Имен у него более чем достаточно! В Анголе – Смит, в Мозамбике – Браун, в Никарагуа – Френсис Корнел. А настоящее имя узнаем, когда ты мне его сюда доставишь. – Генерал кивнул на окно, за которым багровели в весеннем мареве кремлевские башни. – Вынь, понимаешь, да положи им этого американца! Для чего он им так понадобился, даже я не могу взять в толк. Но, судя по всему, майор Сарматов, тебе и твоим архаровцам предстоит задание особой государственной важности. Государственной, понимаешь?!

– Постараемся оправдать ваше доверие, товарищ генерал! – отчеканил майор и принялся снова рассматривать фотографию. – Встречался я с ним, точно знаю! Но где, когда?..

– Я бы на твоём месте не удивлялся: Ангола, Мозамбик, Ливан, Никарагуа... Где ты, там и он. – Генерал бросил на майора насмешливый взгляд. – Уж не судьба ли, Сармат, за тобой по белу свету рыщет?..

– Я в судьбу не верю, товарищ генерал, – пожал плечами тот. – Доверять промыслу судьбы – значит развращать волю. А это в нашей работе дело недопустимое.

Улыбка медленно растаяла на лице генерала, и он не спеша начал вышагивать взад-вперед по кабинету.

– Будем говорить серьезно, майор. Скорее всего, этот янки – специалист по нашей тактике. Там, где он объявляется, жди активизации противостоящих нам сил. В Пешаваре на нем координация действий «духов», причем он находит язык с полевыми командирами разной политической окраски. За ним охотились ребята из «Штази» и молодцы Кастро, но им он оказался не по зубам. Теперь твоя очередь рискнуть!

Майор кивнул и повернулся к карте.

– Что-то тебя смущает, майор?

– Есть одна незначительная деталь, которая не дает мне покоя, – с усмешкой ответил тот. – А именно – близость пакистанской границы.

– Ты, как всегда, прав. Эта незначительная, как ты выразился, деталь существенно усложняет дело. Потому и посылаю тебя...

Майор пристально посмотрел на генерала, в глазах его отразилась напряженная работа мысли.

– Когда у них сбор в этом кишлаке? – наконец спросил он.

– Разведка сообщает: в ночь на девятое мая.

Майор резко развернулся и, с трудом скрывая раздражение, с некоторой долей растерянности сказал:

– Товарищ генерал, вынужден напомнить вам, что моя группа после очередного выполненного задания еще даже не успела приступить к реабилитации...

– Знаю, – мрачнее лицом, прервал его генерал. – Все я понимаю, майор, знаю, что твои мужики падут как ломовые! – кивнул он в сторону окна. – И этот вопрос поднимался, когда мы совещались, советовались там... с ответственными товарищами. Однако, несмотря на все «против», решение было единогласным – идти тебе. Расчет тут, понимаешь, простой – твое умение ювелирно работать вслепую. Ведь в данном случае мы не имеем никакой возможности тщательно подготовить операцию...

– Утешили, товарищ генерал!.. Нечего сказать! – сердито прищурился майор.

– Не кипятись, Сармат. Ничего не поделаешь. Ты и твоя группа – лучшие, а это значит, что вы всегда будете нужны и никому зачастую не будет дела до того, отдыхаете ли вы вообще когда-нибудь или нет.

Генерал вздохнул, сочувственно окинул майора цепким взглядом и не спеша продолжил:

– Есть еще одна новость, которая, я чувствую, не очень-то тебя обрадует. В группу прикрытия к тебе назначен капитан Савелов из параллельного управления...

– Кто?.. Савелов? – Лицо майора окаменело.

– Знаешь ведь его?

– Встречались... – выдавил Сармат. – Скажите, товарищ генерал, мое мнение о капитане Савелове может иметь значение?..

– Имеет значение его мнение о тебе! Знаешь, чей он зять?..

– Не знаю и не хочу знать, но...

– Никаких «но»! Между прочим, Савелов сам к тебе напросился.

– Странно!.. – криво усмехнувшись, произнес майор.

Генерал положил руку ему на плечо и, покосившись на дверь, тихо, с просительными нотками в голосе сказал:

– Не мешает тебе Савелов. Ты уж притащи этого американца, а?.. С себя Золотую Звезду сниму – на твою грудь повешу. Я помню – тебе Звезда еще за Никарагуа полагалась, да вот, понимаешь... Очередь, как сказали, не дошла!..

– Ладно, товарищ генерал. За Звезду я не в обиде...

– Что царям да псарям до наших обид, Сармат! – обронил генерал и нажал кнопку сбоку стола. Затем он наклонился к самому лицу майора так близко, что тот явственно различил запах хорошего французского одеколона, въевшийся в бритые щеки начальника, и произнес тихо, но с непрекращаемой убежденностью в голосе: – Они, цари и псары, приходят и уходят, Сармат, а мы с тобой остаемся... Ты помни про это!..

В дверях появился офицер с подносом в руках. Генерал кивком отпустил адъютанта, и тот так же бесшумно, как и вошел, покинул кабинет. Генерал кивнул на стул, приглашая майора присесть:

– Кофе?

– Спасибо! Не употребляю, товарищ генерал.

– После Никарагуа? – усмехнулся тот и достал из стола бутылку марочного коньяка. – Вас сколько человек туда послали?

– Девяносто семь, – отчеканил майор.

– А вернулось?

– Тридцать шесть.

Генерал тяжелым взглядом посмотрел на чашку черного кофе и внезапно резко отодвинул ее дрогнувшей рукой, так, что кофе выплеснулся через край и растекался на полированной поверхности стола небольшой темной лужицей. Генерал хрипло выдавил из себя:

– Скольких ребят там положили – и что?.. Все впустую!.. И впрямь этот кофе на крови!

Тревожная, гнетущая тишина повисла в кабинете. Каждый думал о своем. Внезапно генерал передернул плечами, будто пробуждаясь после сна, и, откашлявшись, протянул руку к бутылке. Разлив коньяк, он решительно оторвал от стола свою наполненную всклень рюмку:

– Давай помянем всех, что ли...

– Нет, товарищ генерал! Вот вернусь с задания – тогда... Тогда уж всех сразу...

Генерал хмуро кивнул в ответ, покачал головой и, опрокинув в рот рюмку, резко и отрывисто произнес:

– В общем, так... Приказываю: американца взять живым, и только живым! Не считаясь с потерями... И вот еще что: лишних вопросов ему не задавать!..

– Разрешите приступить к выполнению задания? – вытянулся майор по стойке «смирно».

– Приступай! Сценарий операции в оперативном отделе. Толку от него, скорее всего, будет немного, но там старались... И еще... Поаккуратней там с этим Савеловым, а то, понимаешь, потом не отмоешься... Но главное – на пакистанскую сторону и щепки не должно перелететь! Сам знаешь – Женевские переговоры... Там, если что случится, такое раздуют, что головы на всех уровнях полетят.

– Я не бог. Но то, что от нас зависит, сделаем, товарищ генерал!..

– Не бог!.. – усмехнулся генерал. – Ты бог, Сармат! Бог войны! Иди, иди и не забывай, о чем мы тут с тобой говорили!..

– Есть! – выдохнул Сарматов и, повернувшись через левое плечо, почти армейским шагом покинул кабинет.

Восточный Афганистан, 7 мая 1988 года

Барражирующий над угрюмыми хребтами вертолет кажется крошечной точкой, комарином в беспредельном, полыхающем кровавыми закатными сполохами азиатском небе. Затянутые туманом ущелья, снежные вершины и горные разломы уходят под брюхо вертушки, а им на смену vyplывают бирюзовые квадраты посевов, со всех сторон обступающие низкие глинобитные кишлаки, светлые полосы арыков и красные полотнища цветущего мака.

Круглолицый синеглазый летчик, окинув взором нескончаемые поля мака, крикнул второму пилоту:

- А мака-то, мака сколько!.. Видать, на опиум сеют!
- Азия!.. Гиблый край! – крикнул тот в ответ. – Отсюда «дурь» по всему миру расходится.
- А ты ее пробовал?
- Как-то с ребятами в училище, ради интереса, приходилось.
- И как она?
- Наутро голова тяжелая, хуже, чем с бодуна...

Синеглазый пилот засмеялся – улыбка сделала его лицо совсем юным – и запел во все горло:

- ...Ну а у нас на родине, в Рязани, вишневый сад расцвел, как белый дым...

Увидев появившегося в проеме двери в камуфляжной форме, с парашютной укладкой – рюкзаком за плечами Сарматова, синеглазый пилот перестал петь и, перехватив его взгляд, показал на часы и крикнул:

- Порядок, пехота, идем по графику!
- Сарматов наклонился к самому его уху и спросил:
- Капитан, что делают летуны, когда вертушка в ступор входит?
- Отрывают себе яйца, – отшутился пилот.
- Зачем?
- Больше не пригодятся! – смеясь, ответил синеглазый.

Сарматов властно притянул к себе его голову и крикнул:

- Чтобы они при тебе остались, капитан, если десятого в семь по нулям нас с воздуха на точке randevu не увидишь... к скалам поближе – и рви когти, сечешь?..
- Ты чего, майор? – растерянно переспросил синеглазый.
- Я-то ничего, а вот пакистанские «фантомы» – это уже кое-что. Понял, Рязань косопузая?..

- А как же вы?..

– Мы-то?.. А нам у соседа грушу обтрясти, как два пальца об асфальт! – засмеялся Сарматов и, хлопнув пилота по спине, ушел обратно в салон.

В салоне двенадцать дюжих мужчин. Все они одеты в такую же камуфляжную форму, что и Сармат; у тех, что бодрствуют, усталые глаза, в которых роковой печатью отмечена и тревога, и решительность бывалых бойцов. А четверо, прислонившись спинами друг к другу, безмятежно спали, сидя на полу: гигант с детскими припухлыми губами и густой черной шевелюрой – старший лейтенант Алан Хаутов; цыганского, разбойного обличья, только серьги в ухе не хватает, – капитан Бурлаков, для товарищей просто Ваня Бурлак; с оспенной рябью на скуластом лице и мощной бычьей шеей – подрывник лейтенант Сашка Силин по прозвищу Громыхала. Он шевелил во сне губами, будто читал невидимую книгу, вздрагивал, время от времени открывал глаза, но тут же снова погружался в забытие. Сарматов перевел взгляд с него на разбросавшего длинные ноги мужественного красавца лейтенанта Шальнова, потом на спину сидящего у блистера капитана Савелова. Словно почувствовав взгляд, Савелов повернулся, поднял на Сарматова въедливые серые глаза и сел перед ним на корточки.

– Игорь, мне передали, что ты не в восторге от моего назначения в группу... Может, настало время расставить все точки над «i» и определиться в наших отношениях? – сказал он и добавил: – Сам понимаешь, дело нам предстоит непустьшное и разлад в группе только добавит новых проблем.

– Наши отношения определены уставом и служебными инструкциями, капитан, – пожал плечами Сарматов и отвернулся от его ждущих глаз.

На красивое, точно скопированное с античных монет лицо Савелова легла тень раздражения и неудовлетворенности.

- Зря ты так, Игорь, – огорченно сказал он.

Сарматов показал на часы:

– Пилить еще час и семь минут – советую этот час спать. Поставить крест на всей прошлой жизни и спать! А наши с тобой отношения определит... бой. Теперь он для нас и генеральный прокурор, и верховный судья...

Савелов хмуро кивнул и вернулся к блистеру, где, устроившись поудобнее, попытался заснуть. Сарматов привалился к вибрирующему борту и тоже закрыл глаза.

Только плохо спалось бравому майору. И не о будущей операции думал он. Все мысли Сармата были в прошлом. Так всегда, перед предстоящей акцией, сознание как бы намеренно переносило его в то спокойное время, когда еще не было никаких особых резонов опасаться за свою жизнь. Быть может, это сработала система самосохранения организма. Таким образом человеческая психика защищалась от внешних раздражителей, способных не просто подорвать, а полностью исковеркать ее.

Поэтому вместо картин грядущих сражений видел майор Сарматов алеющие в степи нежные венчики лазориков... Из своего далекого детства.

Средний Дон, май 1959 года

Пелена утреннего розового тумана укрывает прибрежные левады и заречные плавни. С крутояри кажется, что река наполнена не весенней мутной водой, а парным, пенным, дымящимся молоком. Масляно переливаются в нем солнечные блики, расплываются дробящиеся кругами, когда пудовый сазанище выпрыгивает на поверхность, чтобы миг один глотнуть настоящего на емшан-траве горького воздуха и снова уйти в темную глубину.

Не потерявший былой силы и стати громадный старик с седыми усами и гривой белых как снег волос тронул черенком нагайки пацаненка, застывшего с открытым ртом от созерцания этой земной красоты, и со спрятанной в усах улыбкой сказал:

– Полюбовался Доном Ивановичем, и будя! А то всех коней разберут, а тебе лошадь достанется.

– Деда, а чем конь отличается от лошади? – спросил вихрастый мальчуган, поспевая бегом за широким дедовским шагом.

– Брюхом! – ответил старик, направляясь к стоящей на горе конюшне.

Перед конюшней, в загоне, с десятков замороженных, вислобрюхих лошадей тянулись к подошедшим мосластыми мордами, на которых светились скорбным светом всепонимающие глаза. Сморгнувшись, старик отвернулся от них и сердито спросил у корявого, заросшего щетиной мужика, от которого так разило перегаром, что, казалось, даже мошकारа падала вокруг замертво:

– Почто животину заморили – ни в стремя, ни в беремя теперича ее?!

– Дык в колхозе-то ни фуража, ни сена, в зиму-то лишь солома ржавая! – ответил тот, часто моргая мутными глазами.

– Бреешь, чудь белоглазая! – подал голос невесть откуда взявшийся коренастый старик в длинной вытертой кавалерийской шинели. И, обращаясь к деду, сообщил: – Пропили они с бригадиром да ветеринаром и фураж, и сено...

– Не пойман – не вор! – взвился корявый.

– Вор! – гневно крикнул в ответ старик и вновь повернулся к деду: – В казачье время за такое сверкали бы на майдане голыми сраками...

– Дык время ноне не ваше – не казачье, а наше – народное! Накось выкуси! – крикнул корявый и сунул впереди себя грязный волосатый кулак.

– Цыц, возгря кобыля! – гаркнул на него старик в шинели и для острастки замахнулся нагайкой. – Понавезли вас!..

Мужик на глазах потерял всю свою смелость и с явной поспешностью скрылся в темноте конюшни, а старик в длинной шинели стоял и внимательно всматривался в лицо деда.

– Никак Платон Григорьевич? – наконец после длительного молчания недоверчиво спросил он.

– Здорово ночевали, э... Кондрат Евграфович! – несколько ошеломленно ответил дед, протягивая ему руку. – Не гадал встренуться, паря. Думал, сгинул ты в колымских краях.

– Летось ослобонили по отсутствию состава преступления.

– Гляди-ка! А за то, что, почитай, вся жизнь псу под хвост, спрос с кого?

– Рассказывание... мол, перегиб и все такое. Сталин, мол, виноват – с него и спрос, – невесело усмехнувшись, ответил старый дедов знакомец.

– Да-а, лемехом прошлась по нам, казакам, Россия!.. – вздохнул дед.

– Чего там гутарить! Она для своих-то, русских, хуже мачехи, а уж для нас-то, казаков! За тридцать лет насмотрелся я на нее... Хучь спереди, хучь сзади – одно дерьмо! – неприязненно передернув плечами, сказал старик.

Старые знакомые сели на грубую, сколоченную из неровных подгнивших досок лавку перед конюшней, завернули самокрутки и продолжили свой невеселый стариковский разговор. Мальчонка пристроился рядом с дедом и жадно ловил каждое слово.

– А я, как сейчас помню, Платон Григорьевич, тебя и батяню мово, Евграфа Кондратица, царство ему небесное, в погонах есаульских золотых, при всех «Егориях», – сказал старик в шинели и наклонился к деду ближе. – Сказывал один в ссылке, что это ты достал шашкой комиссара, который батяню твою в распыл пустил...

– Чего гутарить о том, что было? – проронил дед и, глядя куда-то в задонские дали, со вздохом добавил: – То все быльем-ковылем поросло, паря...

– И то верно! – согласился Кондрат Евграфович и мягко сменил тему разговора: – А сыны твои где? Прохор, Андрей, погодок мой, Степа?.. По белу свету, чай, разлетелись?

– Разлетелись! – кивнул дед. – В сорок первом, в октябре месяце, когда германец к Москве вышел, под городом Яхромой сгуртовались казаки и по своей печали прорвали фронт и ушли гулять по немецким тылам. Добре погуляли! Аж до Гжатска, почитай, дошли... Как говорится, гостей напоили допьяна и сами на сырой земле спать улеглись. Не вернулись мои сыновья с того гульбища. Все трое не вернулись. И могилы их не найти, лишь память осталась.

– Вона што! – вырвалось у Кондрата Евграфовича, и, заглянув в лицо старика, он спросил с надеждой: – А поскребыш твой?.. Я ему еще в крестные отцы был записан.

Платон Григорьевич прижал к плечу пацаненка, хмуро произнес:

– Гвардии майор Алексей Платонович Сарматов пал геройской смертью под корейским городом Пусаном семь лет назад. – Он кивнул на пацаненка: – Этот хлопец, стало быть, Сарматов Игорь Алексеевич. Мы с ним вдвоем казакуем, а мамка его, как Лексея не стало, по белу свету долю-неволю шукает...

– Эх, жизнь моя! – нараспев воскликнул Кондрат Евграфович. – Лучше бы ты, Платон Григорьевич, не завертал сюды!..

– Не можно было!.. – сказал тот и подтолкнул пацаненка. – Пора птенца на крыло ставить. Да смекаю, товарищи под корень вывели табуны наши сарматовские. А какие чисто-кровки-дончаки были!

– Помню, Платон Григорьевич! В императорский конвой шли без выбраковки.

Дед оглядел ветхую конюшню, обложивший ее высокий бурьян и произнес с печалью в голосе:

– Н-да, все прахом пошло!..

Кондрат Евграфович бросил на него взгляд и нерешительно молвил:

– Председательский жеребец по всем статьям вроде бы сарматовских кровей, только к нему не подступиться – не конь, а зверюга лютая.

– Кажи жеребца, Кондрат! – вскинулся дед. – Я нашу породу и по духу отличу.

Старик ушел в конюшню. Скоро из нее донеслось раскатистое ржание, и темно-гнедой дончак с соломенным, до земли, хвостом и роскошной гривой показался в воротах конюшни. Стремясь вырвать чомбур из рук Кондрата Евграфовича, конь взвился в свечку.

– Платон Григорьевич, перехватывай – не сдержат мне его! – крикнул старик, что есть силы пытаюсь удержать коня на месте.

Дед бросился к шарахнувшемуся от него жеребцу и схватил его под узду.

– Чертушка белогривый! – сказал он, глядя на коня загоревшимися глазами. – Выжил, сокол ты мой ясный! Покажись, покажись, Чертушка! Блазнится мне, что твои дед и прадед носили меня по войнам-раздорам... По японской, по германской и по проклятой Гражданской... Последний кусок хлеба и глоток воды мы с ними пополам делили, вместе горе мыкали!..

Чертушка захрапел, раздувая ноздри, и в ярости стал рыть землю копытом.

– Не связывайся с ним, Платон Григорьевич! – запричитал старик в шинели. – Зашибет, зверюга необъезженная!

Но дед словно и не слышал его. Он потрепал коня по крутой шее, перебрал узловатыми пальцами его соломенную гриву и начал разговаривать с ним на каком-то непонятном языке, древнем и певучем. Этот язык понимает любой степной конь. И, прислушиваясь к словам, Чертушка склонил к седой голове старика свою гордую голову, выказывая полное смирение. И старик приник к его груди лицом и никак не мог надышаться конским запахом, который для природного казака слаще всех запахов на свете.

– Эхма! – воскликнул изумленный Кондрат Евграфович. – Только встрелю, а друг к дружке!.. Выходит, кровь – она память имеет!.. Али приколдовал ты его чем? А?

– Чавой-то старый хрен со скотиной, как с бабой, в обнимку? – угрюмо спросил колченогий мужик, высунувшийся из дверей конюшни. Он, икая, затряс отечным лицом, будто отгоняя тяжкое похмелье, и сказал зло, с какой-то затаенной давнишней обидой: – Не-е, казаков пока всех под корень не сведешь, дурь из них не вышибешь! Скотине безрогой почтение, как принцу какому!..

Кондрат Евграфович обжег колченогого взглядом, и тот попятился в глубь конюшни, от греха подальше.

– Ты че, старый?! Че, че, че ты?.. – запинаясь, затараторил он и оттого стал выглядеть еще более убогим и никчемным.

– Сгинь с глаз, вша исподняя! Сгинь!!! – люто выдохнул старик и ударом нагайки, как косой, срезал куст прошлогоднего бурьяна.

– Контра недорезанная! – злобно огрызнулся уже из темноты конюшни колченогий.

Старик зашел внутрь конюшни и через несколько секунд появился вновь, неся седло и сбрую, которые отдал Платону Григорьевичу. Тот обрядил коня, а потом несколько раз провел Чертушку под уздцы по кругу и только после этого позвал истомившегося пацаненка:

– Не передумал?

– Не можно никак, деда!..

– Добре! – усмехнулся Платон Григорьевич и, взяв его за шкуру, как щенка, бросил в высокое казачье седло. Чертушка от неожиданности прыгнул в сторону и вновь поднялся в свечку.

– Держись, бала!!! – крикнул дед, отпуская узду.

Почувствовав свободу, Чертушка легко перемахнул жердяной забор и по древнему шляху, мимо конюшни, пошел наметом в лазоревый степной простор.

Старик в шинели, с волнением наблюдающий за происходящим, схватил деда Платона за плечо:

– Держится в седле малец! Едри его в корень, держится! По-нашему, по-казачьи – боком!

– В добрый час! – ответил дед.

– А может, и впрямь, Платон Григорьевич, козацкому роду нэма переводу, а?..

Дед усмехнулся в седые усы и, подняв руку, окрестил степной простор.

– Святой Георгий – казачий заступник, поручаю тебе моего внука! – торжественно произнес он. – Храни его на всех его земных путях-дорогах: от пули злой, от сабли острой, от зависти людской, от ненависти вражеской, от горестей душевных и хворостей телесных, а пуще всего храни его от мыслей и дел бесчестных. Аминь!

А пацаненок тем временем мчался вперед, туда, где небо встречалось с землей, где сиял клонящийся к закату золотой диск жаркого донского солнца. Степной коршун при приближении всадника нехотя взлетел с головы древней скифской бабы и стал описывать над шляхом круги. Пластался в бешеном намете Чертушка. Настоянный на молодой полыни тугой ветер выбивал слезы из глаз пацаненка, раздирали его раскрытый в восторженном крике рот. Хлестала лицо соломенная грива коня, уходил под копыта древний шлях, плыли навстречу похожие на белопарусные фрегаты облака, летело по обе стороны шляха ковыльное разнотравье, а в нем сияли, переливались лазорики – кроваво-красные степные тюльпаны. Говорят, что вырастают они там, где когда-то пролилась горячая кровь казаков, павших в святом бою.

Восточный Афганистан, 7 мая 1988 года

Камуфлированный, похожий на странную пятнистую рыбину вертолет преодолел скалистый хребет, и сразу внизу открылась поросшая чахлой растительностью долина, прорезанная, будто рукой неумелого хирурга, извилистой лентой реки.

– Мы на месте! – крикнул синеглазый пилот и, передав управление второму пилоту, пошел в салон.

– «Зеленка», майор! – затряс он дремлющего Сарматова.

Тот открыл глаза и рывком притянул пилота к себе:

– Крепко запомнил, что я тебе сказал, капитан?

Голос его был ясен и бодр, будто и не спал майор, не скакал минуту назад по родному степному разнотравью на быстром, как ветер, коне.

– Ну-у!.. – утвердительно кивнул пилот.

– И еще заруби себе... – продолжил Сарматов. – Сломай свою вертушку, напейся до бесчувствия, оторви своему генералу яйца и иди под трибунал, но без прикрытия истребителей за нами не вылетай!

– Усек! – кивнул капитан и, прежде чем скрыться в кабине, повернулся и улыбнулся Сарматову.

Тот, взглянув на часы, жестко скомандовал:

– К десантированию готовься!!!

Группа в несколько секунд выстроилась у десантного люка. Сарматов осмотрел бойцов, проверил крепление оружия, рюкзаков, парашютов и только после этого решительно махнул рукой:

– Ну, в добрый час! Па-а-ашел, мужики-и-и!..

Вертолет лег на обратный курс, а над сумеречной «зеленкой» остались парить только скользящие в сторону реки купола парашютов.

Восточный Афганистан, 8 мая 1988 года

В окулярах бинокля ночного видения ясно проглядывалась идущая из ущелья грунтовая дорога, раздваивающаяся перед самым кишлаком, как змеиный язык. Один конец ее уходил в кишлак и терялся в узких улочках с глинобитными дувалами, другой шел в обход селения, упирался в «зеленку» и скрывался за развесистыми, кряжистыми деревьями. На окраине

кишлака, неподалеку от старинной мечети, одиноко маячил большой дом. Он был выстроен в том же стиле, что и остальные строения, но выглядел гораздо просторнее и богаче.

За дувалом из тесаного камня под густым платаном стояли оседланные кони и открытый джип, в котором спал за баранкой крепким сном водитель в униформе «зеленых беретов» США. С наружной стороны дувала, у низкой калитки, дремали, сидя на корточках, двое часовых. Еще двое кемарили у входа в дом.

Всю эту картину уже достаточно долго наблюдал в бинокль майор Сарматов. Оторвал его от созерцания побежденных сном солдат близкий шорох. Из темноты материализовались увешанные маскировочными ветками старший лейтенант Алан Хаутов и лейтенант Андрей Шальнов.

– Командир, за мечетью бээмпэшка, – шепотом доложил Алан. – Там семь «духов» барашка жарят, терьяк жуют. Пса два штука с ними.

– По псам ты у нас, Алан... – отозвался Сарматов.

– Есть, командир!

– А посты на тропе? – осведомился майор.

– Один пост в двух километрах от пакистанской границы. Трое их там было, да и те анашой обкурились до одури...

– Сняли без шума?

– Обижаешь, командир!.. Маленький мальчик мы, что ли!.. – усмехнулся Алан.

– Командир, их менять будут после утреннего намаза, – подал голос лейтенант Шальнов.

– Откуда знаешь? – насторожился Сарматов.

– Допросил их старшего... Он по-таджикски понимает.

– Бог даст, управимся к утру! – сказал Сарматов и, посмотрев на часы, щелкнул кнопкой на маленьком магнитофоне. – Оркестру пора начинать музыку, – загадочно оповестил он собравшихся.

Сунув магнитофон в расщелину и забросав его ветками, майор обернулся и, обращаясь к Шальнову, сказал:

– Андрей, за всеми хлопотами совсем забыл спросить: тебе кого твоя Ленка подарила-то?

Шальнов покраснел, как девочка, и начал переминаясь с ноги на ногу. Смутившегося лейтенанта опередил Алан:

– Так ведь фирма веников не вяжет – одного девочку и одного мальчика. А ты, майор Сармат, крестный папа им будешь, так ребята решили!

– Ничего себе, – прошептал Сарматов и расплылся в улыбке. – Казачьему роду нет переводу!.. Надо же, двойня! А какой подарок мы им придумаем?

– Что вы, Игорь Алексеевич! – еще больше смутился лейтенант.

– Ничего, придумаем и пир горой закатим, лишь бы из этой передраги выпутаться! – мгновенно посерьезнев, убежденно сказал Сарматов и вдруг неожиданно ухнул по-совиному.

В ответ на уханье во мраке «зеленки» возникли «кусты» и со всех сторон обступили их. Сарматов прислушался к лаю собак в кишлаке. Уловив какой-то знак, понятный ему одному, он оповестил остальных:

– Мужики, объект на месте. Приехал на джипе. Работаем по основному сценарию. Вопросы есть?

Ответить те не успели – сбоку раздался жуткий шакалий вой, и обступившие Сарматова «кусты» настороженно оборачивались по сторонам.

– Нервы лечить надо, мужики! – улыбнулся Сарматов. – Всю ночь придется слушать эту музыку...

– Магнитофон?! – наконец дошло до кого-то из группы. – Ну, ты и придумал, командир!.. Сармат усмехнулся и, взглянув на часы, сказал:

– Раз вопросов нет – бог в помощь, мужики!..

«Кусты» отступили во мрак.

– Капитан Савелов! – каким-то отчужденным голосом позвал Сарматов.

– Здесь, товарищ майор! – мгновенно откликнулся тот.

– После исполнения первого эпизода в затяжной бой не ввязывайтесь, капитан. Отрывайтесь сразу и выводите преследователей на джип, а потом попетляйте, капитан, сбейте их со следа.

– Есть вывести на джип и сбить со следа! – отчеканил капитан, и в темноте мелькнула тень козырнувшей руки.

– И еще... – уверенно и очень спокойно продолжил Сарматов, холодно и неприязненно. – Если десятого нас на точке randevu не будет – сразу уходите на запасную точку и ждите там. Ни под каким предлогом не выходите в эфир, капитан. Вопросы есть?

– Вопросов нет, задание понятно, товарищ майор! – ответил Савелов. – Удачи вам! – вдруг прибавил он, смазав последнее слово, будто испугавшись чего-то.

– Удачи и вам, Савелов! – сказал майор Сарматов, и на сей раз в голосе его прозвучала вполне искренняя обеспокоенность.

Под шакалий вой, несущийся из расщелины, Савелов в сопровождении одного из «кустов» растворился во мраке «зеленки».

* * *

Вслушиваясь в вой и лай, доносящиеся со стороны «зеленки», часовые перед дувалом сонно переговаривались на фарси:

– В джихад – скота мало, хлеба мало, детей мало, женщин много, могил моджахедам много... О Аллах, милостивый и милосердный, покарай гяуров урус-шурави, принесших правоверным разорение!..

Где-то близко через шакалий вой прорезался собачий визг.

– Вах, вах, вах!.. Совсем осмелели шайтаны – на собак уже нападают! Вах, вах!

Через пару минут часовые погрузились в дремоту. Но они не успели даже вскрикнуть, когда на них навалились возникшие из ночного мрака люди-тени в черных масках на лицах. Сорвав с часовых халаты и тюрбаны, они унесли их под мрак «зеленки». Там, под прикрытием деревьев, их трупы обнаружат не скоро. Двое из ночных призраков облачились в тюрбаны и халаты и остались сидеть на корточках у стены дувала, вот только на фарси больше никто не говорил. А трое, перебросив через дувал рюкзаки, скрылись во дворе дома.

Чувствуя, что вокруг происходит что-то неладное, под платаном тревожно захрапели кони. Часовые у входа в дом настороженно оглядели двор, но, не заметив ничего подозрительного, успокоились и, сунув под язык очередную порцию терьяка, снова заснули с открытыми глазами. Возле одной из стен дома бесшумно возникла фигура Силина. Оставив под стеной рюкзак, он мгновенно скрылся в кустах.

Сарматов тем временем подобрался к храпящим лошадям и быстро успокоил их, потом с ловкостью кошки взобрался на развесистый платан и скрылся в его густой листве. Прямо под веткой, на которой он затаился, чернел джип, за баранкой которого спал «зеленый берет». Дождавшись, пока из «зеленки» вновь раздался шакалий вой, Сарматов метнул в шофера десантный нож. Тут же рядом с машиной материализовался человек-тень и, «сдернув» с сиденья тело «берета», оттащил его в кусты. Скоро спецназовец возвратился, уже переодетый в униформу американца, и занял место за баранкой. Сарматов облегченно утер пот с лица.

На востоке занялась розовая полоска утренней зари, вырисовывая силуэт ближайшего хребта. Из «зеленки» на кишлак начали наплывать рваные клочья тумана. Внезапно, как по команде, из конца в конец кишлака прокатилась надрывная петушина переключка, и под ее сопровождение на одной из улочек появилась фигура муэдзина, направляющегося к старин-

ному облупившемуся минарету, с которого он ежедневно на протяжении многих лет призывал правоверных к утреннему намазу.

Стрелки на часах Сарматова двигались невыносимо медленно. Иногда майору казалось, что они вообще стоят на месте. Тогда он подносил часы к уху, вслушивался в их размеренное тиканье и, успокоившись, переводил взгляд на горы, которые рассвет уже окрашивал пастельным розовым светом, гася перевернутый серп месяца, зависшего над «зеленкой».

Прошло еще какое-то время, и вот уже донесся с минарета неестественно пронзительный для непривычного уха крик муэдзина. Кишлак ожил. Начался новый день.

За плотными шторами, надежно закрывающими окна дома от любопытных глаз, начало угадываться неясное движение. Не сводя взгляда с дверей, Сарматов весь напрягся и нажал кнопку миниатюрного радиопередатчика у себя на поясе. Едва он успел это сделать, как дверь дома распахнулась. Оглашая двор гортанными голосами, во двор вывалилась толпа вооруженных, по-восточному одетых людей. Всего их было человек тридцать, не меньше. Через несколько секунд в дверях показался высокий европеец в форме «зеленых беретов» армии США, сопровождаемый седобородым, почтенным эфенди и красивой белокурой женщиной, будто сошедшей с картинки рекламного журнала.

Сарматов достал из нагрудного кармана фотографию, ту самую, которой снабдил его генерал. Майор всмотрелся в улыбающееся полковничье лицо на карточке, затем перевел взгляд на офицера. Не было никаких сомнений в том, что человек, изображенный на фотографии, ныне прогуливался по двору. Сарматов снова нажал кнопку радиопередатчика. Тем временем офицер по-восточному церемонно пожал руку эфенди и что-то сказал ему. Красотка перевела его слова. Эфенди склонился в поклоне. Разговор закончен, офицер галантно раскрыл перед женщиной дверцу джипа и помог ей устроиться на заднем сиденье. Толкнув крепко спящего водителя, офицер стал усаживаться рядом с ним, и в тот же миг с ветки платана на него обрушился Сарматов, с помощью «проснувшегося» водителя он защелкнул на запястьях янки наручники. Трое людей в черных масках тут же выскочили из кустов, запрыгнули в джип и выбросили из него зашедшуюся в крике красотку. Ее вопли потонули в грохоте пулеметных и автоматных очередей, прорезавших утреннюю тишину.

Под этот грохот джип, протаранив ворота, вылетел из двора, в котором ржанье сорвавшихся с привязи лошадей, крики, стоны и взрывы гранат сплелись в одну страшную мелодию смерти. Стреляя из башенной пушки, из-за мечети выполз БМП, но залп из двух гранатометов завалил машину набок и разметал по сторонам бегущих за ней людей.

За джипом, мчащимся по узким улочкам кишлака, с яростным лаем неслись огромные псы. Преследовали его какое-то время и люди, но их беспорядочная стрельба не причинила пассажирам вездехода никакого вреда. Алан с Бурлаком отвечали преследователям с заднего сиденья скупыми очередями, а Силин деловито разбрасывал дымовые шашки.

Опомнившийся американец пришел в себя и попытался выбраться из-под навалившегося на него всем телом Сарматова. Однако выскочить из джипа ему не удалось – ударом ребра ладони под основание черепа Сарматов «успокоил» янки, и тот осел, уткнувшись лбом в панель.

– Силин, твоя сольная партия! – крикнул Сарматов.

– Есть сольная партия! – ответил тот и нажал кнопку радиопередатчика. Через мгновение небо над кишлаком будто раскололось – огромной мощности взрыв поднял в воздух богатый дом на окраине...

* * *

...На крутой, жмущейся к скале тропе джип мотало из стороны в сторону. От обрыва к скале, от скалы к обрыву. Порой колеса зависали над пропастью, но сидящего за рулем лей-

тенанта Шальнова это нисколько не смущало – к его мужественному лицу будто приклеилась снисходительная улыбка, а руки уверенно крутили руль. Снизу, из затянутого дымом кишлака, донеслись нарастающие звуки боя: дробные очереди, разрывы мин и гранат, грозный рев ДШК.

– Мужики не смогли оторваться! – крикнул Бурлак, оглянувшись назад.

Алан связал два пулеметных магазина изолентой и, открывая дверцу джипа, крикнул, обращаясь к Сарматову:

– Командир, я вернусь – мало-мало пошумлю, отвлеку от ребят «духов».

– Работаем строго по сценарию, старлей! Сидеть!!! – В голосе Сарматова зазвенел металл, и Алан недовольно плюхнулся обратно на сиденье.

Повисло тягостное молчание, и в нем все слышней стали звуки боя в долине, отраженные скалами, зажимающими верблюжью тропу.

Сарматов посмотрел на часы и нахмурился.

– Далеко еще? – спросил он Шальнова.

– Почти приехали!..

– Вниз спускался?

– Спускался. Все нормально. Высота – пятьдесят два метра.

– Лишь бы из графика не выбиться! – пробормотал Сарматов.

На повороте тропы показалась скала с вцепившимся в нее разлапистым карагачем. Шальнов притормозил рядом и бросил:

– Мы на месте, командир! До пакистанской границы отсюда три километра и шестьсот метров. Сведения проверены.

Силин с Бурлаком вылезли из джипа и вытянули за собой американца. Тот вскрикнул, лицо его побледнело и покрылось бисеринами пота.

– Сармат, у него весь рукав в крови! Видать, зацепило! – крикнул Силин и сплюнул со злостью. – Блин, нахлебаемся теперь дерьма, мужики!..

– Внизу посмотрим, что с ним!.. – после минутного замешательства ответил майор. – Быстрее, быстрее, ребята, пока Савелов там его дружков держит!..

Приковав американца браслетом наручника к ветке карагача, заклеив ему пластырем рот, мужики вчетвером подняли джип и развернули «мордой» в ту сторону, откуда только что приехали. Шальнов прыгнул за баранку. Подняв руку в жесте «но пасаран», он погнал джип обратно в сторону кишлака.

– Не прозевай развилку! – крикнул ему вслед Сарматов и, повернувшись к остальным, произнес, усмехнувшись: – Это надо же – двойня! Рехнуться можно! По такому случаю его можно было и освободить от такой прогулки. Чего не сказали-то?..

– Сами узнали только в Кабуле! – оправдывался за всех Бурлак. – Андрюху, ведь ты знаешь, пока не спросишь, не скажет... Сияет только, как ясно солнышко, а в чем дело, не сказал...

– А в Кабуле не выдержал и сказал: один девочка, один малчик! – встрял в разговор Алан и широко улыбнулся.

Тем временем Бурлак альпинистским узлом закрепил к стволу карагача репшнур, отдал его конец Сарматову, и тот опутал им американца. К другому концу шнура Алан с Силиным привязали рюкзаки и опустили их в пропасть. После этого Силин укрепил на стволе карагача небольшой цилиндр взрывателя.

– Быстрее, быстрее, мужики! – торопил Сарматов. – С минуты на минуту здесь пакистанцы будут!

– Ничего, командир! – усмехнулся Бурлак. – Стежка тут узкая, яма глубокая, а шайтан-труба, – показал он на гранатомет, – как всегда, в полном порядке!

Алан, а вслед за ним и Силин, держась за репшнур, по очереди спустились в пропасть. Когда спало натяжение шнура, Сарматов отстегнул американца от дерева. Тот что-то замычал

заклеенным ртом, извернувшись, попытался ударить Сарматова головой в живот, и тому снова пришлось успокоить его тем же манером, что и в первый раз.

Американца привязали к веревке, и он, похожий на большую беспомощную куклу, заскользил вниз, ударяясь о выступы скалы, мимо черной базальтовой стены, туда, где на дне пропасти kloкотал горный поток... Внизу его отвязали и положили на землю. Пришла очередь спускаться майору и в нетерпении переминающемуся с ноги на ногу Бурлаку. Медленно, рывками помчался репшнур по их спинам и рукам, на которых вот-вот готовы были лопнуть вздувшиеся от напряжения вены.

* * *

Небо над виднеющимся впереди кишлаком затянуто дымом. Джип мчится на предельной скорости. Уже видны языки пламени над домами. Звуки боя доносятся из глубины «зеленки». На развилке Шальнов бросает джип вправо, под сень раскидистых деревьев. Едва просматриваемая из-за дыма тропа петляет между корнями деревьев и широколиственными кустарниками. Заканчивается очередная петля. На тропе – трое. Трое в чалмах, опоясанные пулеметными лентами, со стволами, направленными на приближающийся джип.

– О, е-мое!.. Забыл, как янки здороваются! – пробормотал Шальнов и натянул на физиономию американскую улыбку.

Джип остановился шагах в пятнадцати от душманов. Шальнов потряс руками в воздухе, показывая, что у него нет оружия, и вылез из машины.

Не убирая стволов, «духи» внимательно, настороженно и враждебно следили за его действиями.

– Хеллоу! – весело прокричал Шальнов и продвинулся вперед на три шага.

– Сытоять! Луки ввелх! – скомандовали в ответ те на ломаном русском.

Не переставая улыбаться, Шальнов сделал еще несколько шагов и произнес:

– Ай эм солджер оф Юнайтед Стейт Арми! Америкен!

– Сытоять! – упрямо повторил один из «духов».

Шальнов показал на американского орла на зеленом берегу и такого же на армейской рубашке.

– Ай эм фром Америка! – продолжая щериться в идиотской улыбке, уже более уверенно повел разговор Шальнов. – Ду ю спик англиш?

Трое на дороге переглянулись, и один из них недоверчиво переспросил, водя перед собой дулом:

– Америка?

– Йес, йес! – радостно кивнул Шальнов. – Ай эм фром Пакистан. Вот'с хэппен?

Душманы снова переглянулись, но уже без прежней напряженности. Один из них, по-видимому старший, показал двоим на машину, а сам, не отводя от Шальнова пулеметного ствола, стал спрашивать, тщательно, с видимыми усилиями подбирая английские слова:

– Хэв ю эни документ?

– Йес, йес! – ответил Шальнов и достал из нагрудного кармана водительское удостоверение и солдатскую книжку покойного «зеленого берега».

Моджахед поставил пулемет к ноге и, взяв документы, принялся их разглядывать. Шальнов бросил взгляд на джип и увидел, как те двое, оставив оружие у заднего колеса, шарили в салоне машины. Старший внимательно вглядывался в фотографию на солдатской книжке. И когда он поднял настороженные глаза на Шальнова, потом снова опустил их на фотографию, Шальнов сильно ударил его ногой по голове. «Дух», толком не успев понять, что произошло, упал. Подхватив его пулемет, Шальнов выпустил длинную очередь по двоим в джипе. Один из них, переломившись пополам, сразу выпал из машины, а второй, выпрыгнув, побежал к

кустам со скоростью, которой мог бы позавидовать олимпийский чемпион. Но очередь все равно настигла его. Она распоролла ему спину, и «дух» свалился в кусты. В несколько прыжков Шальнов подлетел к нему – молодой афганец лежал на спине, из уголка рта на его черную бороду текла красная струйка крови. Прогремела еще одна очередь, и на землю упал старший.

То приближаясь, то удаляясь, качается отвесная черная скала. Капроновый репшнур скользит рывками по башмакам и ладоням Сарматова. Еще несколько усилий – и его подхватывают руки Алана и Бурлака, помогают нащупать ногами опору. Майор оглядывается по сторонам. Все они стоят на камнях, о которые бьется бурный поток. Сарматов опускает в него запаленное лицо и с наслаждением пьет прозрачную холодную воду. Утолив жажду, он бросает взгляд на Силина:

– Чего ждешь?!

Силин спохватился и, достав радиопередатчик, берется за концы репшнура. Укрепленный на карагаче шнур натягивается; вспышка, легкий хлопок, напоминающий пистолетный выстрел, и концы репшнура исчезают в пропасти. И в самое время, потому что в тот же миг на тропе показываются два грузовика, набитые «духами». Громох разбитыми рессорами, грузовики проносятся мимо карагача в сторону кишлака.

Наконец грохот от промчавшихся машин, несколько раз откликнувшийся эхом в ущелье, стих. Сарматов утер пот с лица и посмотрел на часы.

– Быстро они очухались... и получаса не прошло!

– Еще бы! – подхватил Бурлак. – Американского полковника у них сперли!

– А бугаина – ништяк! Кило на сто потянет! – сказал Силин и с нескрываемым интересом стал разглядывать американца. – «Духи» из-за него землю носом рыть будут!..

– Это уж точно! – хмыкнул Сарматов, расстегивая на американце рубашку.

Тот дернулся, что-то замычал заклеенным пластырем ртом.

Сарматов зачерпнул котелком воду, промыл рану и недовольно прищелкнул языком:

– Да-а, повезло нам как утопленникам!..

– Чего, Сармат? – спросил Алан. – Плохая дырка?..

– Хуже некуда! «Бур» плечо разворотил, пуля не вышла. Как пить дать, полыхнет дед Антоха!

– Кто полыхнет? – недоуменно тараща глаза, спросил Силин. – Дед Антоха?

– Так казаки гангрену зовут, – ответил Сарматов, перебинтовывая рану американца.

– Де-е-ед Анто-ха-а! – проговорил нараспев Силин и зашелся в утробном, булькающем смехе. – Антоха-а!.. Ха-ха-ха-ха!!!

Алан покосился на Силина, оценивающе оглядел его с головы до ног и произнес, обращаясь к Сарматову:

– Вроде как у малого крыша поехала!

– Да брось ты. Обыкновенная истерика, – возразил тот. – От перенапряга нервишки сдают. Начальство и слышать ничего не хотело о том, что ребята вконец вымотались. Как же – им ведь за кремлевской стеной виднее!..

Бурлак заглянул Силину в лицо и, обернувшись, успокаивающе произнес:

– Ничего-ничего, покорится малость и отойдет!.. Вообще-то после такого в бутылку, а то и в петлю тянет...

– Антоха-а!.. Ха-ха-ха-ха-ха! Анто-ха-а! – продолжая причитать, смеялся Силин.

– Успокойся, Саша! На, выпей воды... Ну, возьми себя в руки, Сашок, – попросил его Сарматов...

Силин выбил из его руки котелок с водой и, захлебнувшись странным смехом, покатился по камням...

Шальнов гонит джип по накатанной тропе к просвету в «зеленке», в котором мечутся заснеженные розовые вершины. Слева, из глубины зарослей, доносятся звуки боя и злобный

лай собак. Тропа выводит к мосту, перекинутому через бурную реку. Шальнов тормозит перед ним, забирает оружие душманов и пробивает ножом бак, из которого начинает хлестать бензин. Добежав до середины моста, Шальнов засовывает под его опору продолговатый предмет и бегом возвращается к джипу. Бросив в лужу бензина горящую спичку, он стремглав бросается в «зеленку». Два взрыва за его спиной грохочут почти одновременно – в воздух взлетают обломки деревянного моста и куски горящего джипа.

Восточный Афганистан, 9 мая 1988 года

Река была хоть не велика, но норовиста. Бурлил ее поток между камнями, метался от одного края узкого ущелья к другому, громыхал на перекатах и порогах. Сарматов и Алан несли американца, так как сам он идти был не в силах. Путь лежал вверх по течению реки. Впереди шагали Бурлак и успокоившийся и впавший в какое-то сомнамбулическое состояние, отрешенно молчащий Силин.

Алан кивнул на безвольно мотающуюся голову американца:

– Сармат, похоже, он в жмура сыграть хочет...

– А я что могу! – хмыкнул майор. – Судьба – она ведь как кошка драная!.. Если вертушка подлетит вовремя, то в Москве, может, и спасут его клешню...

– А если не подлетит? – осведомился Алан.

Сарматов бросил на него косой взгляд.

– Понятно, командир! – кивнул Алан. – Прости за идиотский вопрос...

Внезапно в грохот реки ворвался нарастающий шум сверху. Все бросились под укрытие скалы. И тут же над ущельем, один за другим, пронесли три черных вертолета.

– Ну, держись, капитан Савелов! – обронил Сарматов, проводив их хмурым взглядом. – Были цветочки – пришло время ягодкам!..

Алан подтащил стонущего американца к воде и разлепил ему рот. Тот начал жадно пить. Когда американец утолил жажду, Сарматов подошел к нему и, склонившись, произнес по-английски:

– Полковник, не знаю твоего имени, и знать мне его незачем, но ты тот, кто мне нужен. Если хочешь жить, когда-нибудь вернуться в свои Штаты, пей. Пей и не смотри на меня, как на последнее дерьмо!.. Ты ввязался в войну против моей страны, значит, счет ты можешь предъявить лишь самому себе. Еще парням из Лэнгли. А сейчас ты мой пленник, и я приказываю тебе – пей! Пей, твою мать, пока из всех дыр не польется. Это для тебя шанс...

Американец с ненавистью посмотрел на него, скривил в презрительной усмешке рот и отвернулся.

– Пей! – крикнул обозленный Сарматов. Схватив полковника за волосы, он сунул его головой в воду. Тот, захлебываясь, стал пить. И когда наконец Сарматов отпустил его, американец яростно заорал:

– Большевистский садист! Ублюдок!

Сарматов, ничем не выдавая кипящей в нем ярости, стоял над неистовствующим американцем и бесстрастно наблюдал за ним. Тот продолжал выкрикивать:

– Русская свинья, ты слышал когда-нибудь о Женевской конвенции? Я требую...

– Засунь свои требования себе в задницу, полковник! – наконец перебил его Сарматов. – Возможно, я – дерьмо, но и ты не конфетка. До таких, как мы с тобой, Женевской конвенции о военнопленных дела нет. Будто не знаешь, что в случае чего и тебя, и меня просто выбросят на свалку с проломленными черепами.

– Дерьмо! – опять взвился американец.

– Сармат, привести его в чувство, что ли? – спросил Бурлак. – Сколько эту вонь терпеть?!

– Отставить! – остановил его Сарматов и прислушался.

По ущелью катился нарастающий грохот.
– Вертушки ребят морозят, – со странным равнодушием обронил Силин.
Чем дольше Сарматов вслушивался в грохот, тем заметнее светлело его лицо.
– Оторвались наши мужики, Сашок! – закричал он, хлопая Силина по плечу. – Ты вслушайся... Как тогда в Анголе, неприцельно лупят – по площадям.
– Похоже на то! – подтвердил Бурлак.
Силин равнодушно кивнул, продолжая пялиться невидящими глазами в какую-то одному ему известную точку.

* * *

Полуденное солнце наполнило ущелье влажным зноем. По самому краю берега вилась еле заметная тропка.

Американец, прикованный наручником к Сарматову, пытался идти сам, но ноги его не держали. Оступившись, он с размаху рухнул в воду, увлекая за собой ненавистного майора.

– Воздух! – вдруг крикнул Алан.

И опять все замерли, упав на острые камни и стараясь как можно плотнее слиться с ними.

Три черных вертолета пронесли над ущельем в сторону пакистанской границы, а навстречу им в сторону «зеленки» пошли еще три. Опять по ущелью прокатился грохот близких взрывов. Сарматов, чуть приподнявшись над землей, дернул американца за здоровую руку.

– Мистер, как вас там, эта громкая музыка не наводит вас на некоторые раздумья?.. – Он показал на часы. – Пятый час молотят...

– Дерьмо!.. Ублюдок! – прошипел тот и, отвернувшись, здоровой рукой расстегнул молнию на брюках. Сарматов тут же схватил флягу и подставил ее под струю мочи:

– Сюда, мистер, сюда... Да не стесняйся – здесь педиков и баб нет!

Происходящее вызвало общий интерес, даже отрешенно молчащий Силин оживился.

– Зачем тебе его анализ? – удивленно спросил он. – В гости к богу можно и так...

– А это чтоб в приемной у апостола Павла в очереди не торчать, – ответил Сарматов и сунул флягу под нос американцу.

– Пей, полковник!.. Пей, выхода у тебя нет!..

Американец отшатнулся, посмотрел на майора с такой яростью, что, если бы взглядом можно было убивать, Сарматов уже давно бы умер в муках.

– Командир, ты что это? – ошалело спросил Алан. – Мы так не договаривались!

– Молчать, старлей! – оборвал его Сарматов.

– Вонючий садист! – выкрикнул американец и зашелся в рвотных судорогах. – Ты не русский офицер! Ты есть мразь!

– Не пускай пузыри, полковник! – устало отмахнулся Сарматов. – Мне они начинают действовать на нервы. Я тебе, между прочим, предлагаю за неимением лучшего древний казачий способ спасения от гангрены. Поверь, в чем, в чем, а в ранах, колотых и стреляных, мои предки толк знали!

– Казачий способ? – на ломаном русском недоверчиво переспросил американец. – Ты есть казакус?..

– Дед был «казакус», отец был сын казачий, а я – хрен собачий! – усмехнувшись, ответил Сарматов, протягивая флягу. – Пей, полковник, и не ломайся, как целка!

Тот потянулся к фляге, но, едва поднеся ее ко рту, снова зашелся в рвотных спазмах и беспомощно посмотрел на Сарматова.

Сарматов кивнул Алану. Тот подошел и, запрокинув американцу голову, крепко зажал ее руками. Часть содержимого фляги Сарматов вылил полковнику в рот, а остатками полил окровавленный бинт на его предплечье. Американец безглаголиво поморщился.

– Что поделаешь, полковник! – глядя на него с сочувствием, сказал Сарматов. – Война красива в ваших голливудских боевиках, а в жизни она всегда пахнет дерьмом, мочой и блевотиной, не так ли?

– Йес! – выдавил полковник.

– Похоже, мы начинаем понимать друг друга! – усмехнулся Сарматов, взваливая раненого на плечи. – В путь, мужики!

* * *

И снова тяжелое дыхание, хрип усталых людей, стоны американца, а из «зеленки» – громы взрывов и клекот боевых вертолетов, методично прочесывающих территорию.

Идти трудно. Тяжелые армейские ботинки периодически оскальзываются на мокрых от росы камнях. Влажный жаркий воздух забивает легкие, и дышать почти невозможно. Над головой вьются тучи каких-то мелких, больно жалящих мошек. Качается в такт шагам опрокинутый над хребтом узкий серп месяца. Где-то совсем рядом надрываются в истеричном вое шакалы. Их желто-зеленые глаза церковными свечами блуждают среди каменных завалов.

– Вот твари! – поежился Силин. – Верняк – наведут «духов»!

– Не психуй! – прохрипел Сарматов, склонившийся под тяжеленным, как племенной бык, американцем. – «Духи» пошли за нами всего с час назад.

– Свежо предание!.. – огрызнулся Силин.

– По шарияту, они должны до наступления темноты похоронить покойников, а наморозил их Савелов не один десяток... – пустился в объяснения Сарматов. – Потом еще вечерний намаз...

– Может, и так! – кивнул Силин и со злостью пихнул в бок висящего на плече Сарматова американца. – Но на randevу с вертушкой из-за этого пидора мы уже не успеваем.

– Что предлагаешь?.. – осведомился майор.

– Выйти на связь и назначить randevу с вертушкой на завтра, а пока отлежаться в этой мышеловке, – ответил тот.

Сарматов вздохнул и отрицательно покачал головой.

– Выход в эфир тут же засекут... Вертушку гробанут без вопросов. Мышеловку захлопнут.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского... – лихо ответил Силин.

– Как думаешь, почему эти уроды вот уже семь часов перепахивают «зеленку» вдоль и поперек? – устало заметил Сарматов.

– Зло срываю... – неуверенно сказал Силин.

– Если бы!.. Им во что бы то ни стало нужно отправить на тот свет нас, что, в общем-то, само собой разумеется, но главное – этого полковника.

– На американцев что-то не очень похоже – они своих людей берегут.

– То-то и оно! Отсюда делаем вывод, что он знает что-то такое, чего контора дяди Никанора знать не должна, – уверенно сказал Сарматов. – И рисковать этим «чем-то» мы не имеем права. Иначе нам с вами грош цена в базарный день!

– Так, может, вытряхнуть из американца это «что-то», пока он не изобразил жмура? И никаких проблем! – предложил Силин, кровожадно поглядывая на полковника.

– Москва запретила нам задавать ему «лишние» вопросы, какая бы ситуация ни сложилась, – объяснил Сарматов.

Силин от удивления даже остановился:

– Круто!.. Вот так фитиль цэрэушникам!..

– Угу. Они б за него, живого или мертвого, никаких денег не пожалели бы!..

– А я-то подумал, что он опять для обмена на какого-нибудь Корвалана!..

– Потом, может, и обменяли бы.

* * *

Внезапно впереди зажглись шакалы глаза-свечи.

– К бою! – крикнул Сарматов, заваливая американца за ближайший валун.

В окулярах бинокля ночного видения были видны тропа, извивающаяся среди нагромождения камней, колючие кустарники, кремнистый склон осыпи, по которому ползли два здоревенных паука-каракурта, и опять камни. На одно мгновение на фоне неба, за травой, возникли несколько неясных силуэтов и вновь скрылись за кустами. Из кустов выпорхнула какая-то птица и заполошным криком вспорола ночную тишину.

Сарматов откатился в сторону и, укрывшись за камнями, загомонил, заухал по-совиному.

Сквозь стрекот цикад со стороны кустов донеслось чирканье кулара – горной индейки. Сарматов чиркнул по-кулары, в ответ услышал четкий посвист удода и следом уханье совы.

– Японский бог, наши! – поднимаясь в полный рост, крикнул Силин. – Наши-и!

Силуэты вновь появились из кустов. Уже не прячась, они приблизились к кремнистому склону.

Далее последовали крепкие объятия, перемежающиеся радостными возгласами, и ритуальный «парашют» – полтора десятка мужчин уперлись лбами друг в друга, изображая купол парашюта.

– Товарищ майор, группа прикрытия поставленную задачу выполнила! – отрапортовал капитан Савелов. – В доме всех заморозили, товарищ майор, а потом оставшихся на джип вывели.

– Потери есть, капитан?

– Двое.

– Кто?

– Лейтенант Гайнуллин, прикрывая отход группы, был ранен или контужен... К нему на помощь бросился военврач Марушкин и...

– И?... – переспросил Сарматов.

– С пакистанской вертушки их обоих – прямое попадание, – помрачнел капитан. – Игорь, я не посылал Марушкина, он сам!.. И вообще странное что-то происходило... Почему-то бомбили напалмом! Ты не представляешь этот ад, там даже камни плавились!..

– Рюкзак с аптечкой цел?

– Был у военврача! – виновато произнес Савелов. – Пепла не осталось...

– В Рязани у врача – двое детей, – устало покачал головой Сарматов и опустился на камень. – Двое... Мальчик и девочка...

– Когда вертушки навалились, мы уже в камнях сидели, – рассказывал коренастый крепыш старший лейтенант Прохоров. – Вертушки сверху, а с фронта «духи» к реке прижимают, думали – кранты, а тут на них с тыла, как черт из бутылки, лейтенант Шальнов!

– Если бы не Андрюха Шальнов, не было бы у нас этой беседы, – подтвердил капитан Морозов и повернулся к Сарматову: – Командир, Андрюха молодой еще – ему лишняя цацка не помешает, будешь рапорт писать, не забудь про него.

– Не в моих привычках забывать, Егор Степанович, – бросил Сарматов и жестом подозвал к себе все еще одетого в униформу «зеленого берета» Шальнова.

– Ну а ты что скажешь, Андрей? Как сам-то?

– Нормально, командир, – улыбнулся Шальнов так безмятежно, словно только что вернулся не из кровавого боя, а с прогулки по городскому парку.

– Говорят, устроил у «духов» шмон?..

– Это я с перепугу, командир! – продолжал лыбиться Шальнов.

– А чего не переодеваешься?

– Одежка моя была у Гайнулли. Мы ведь с Асхатом в одном дворе выросли, в один детсад и в один класс ходили и на срочную вместе ушли. – Улыбка соскользнула с лица Андрея. – Все подбираю слова, какие говорить дяде Равилю – отцу и тете Зине – его матери. Они в Ясенево в нашем жеке дворниками работают.

– Не смотри на меня так, сержант. У меня этих слов тоже нет, – глухо сказал Сарматов. – Не говорить же им, что их сын погиб смертью героя на бессмысленной, бездарной войне!

За камнем громко стонал американец, и Сарматов, поднявшись с валуна, подошел к нему.

– Плохие новости для тебя, полковник, – сказал он. – Наш врач погиб там, в кишлаке. С ним сгорела аптечка.

Американец промолчал, глаза его были подернуты мутной пеленой боли.

– Пакистанские вертолеты бомбили «зеленку» напалмом, почему?.. – спросил полковника Сарматов.

– Потому что война пахнет дерьмом, мочой, блевотиной и... подлостью, – ответил американец и отвернулся.

– Кажется, мы еще лучше стали понимать друг друга, полковник, – усмехнулся Сарматов и скомандовал: – Кончай отдыхать, мужики! Пора в путь!..

* * *

И опять бесшумно скользят во мраке афганской ночи люди-тени, петляют, кружатся в диком, бессмысленном танце вокруг них огоньки шакальих глаз, похожие на пламя церковных свечей, рвется к перевернутому узкому месяцу, вспарывая ночную тишину, опостылевший шакалий вой.

Когда из-за хребта снова появилось солнце, каменное нагромождение закончилось и началась отлогая осыпь, упирающаяся в покрытую чахлой растительностью равнину, изрезанную оврагами, на дне которых журчали мелкие мутные ручейки.

Группа спустилась на равнину окольными путями, в обход осыпи, чтобы не оставлять следов.

Здесь, на ровном месте, американец вдруг начал мычать и дергаться.

– Понял, полковник, молодец! – сказал Сарматов, расстегивая на его брюках молнию и подставляя флягу.

С удивлением наблюдали мужики из группы Савелова за происходящим. Сам же Савелов не мог скрыть отвращения, глядя, как американец пьет мочу.

– Не нравится, капитан? – спросил его Бурлак.

– Фу, блин, лучше подохнуть, чем это! – сдерживая рвотные позывы, ответил тот и посмотрел на часы. – Впрочем, это не мое дело. Уже завтра закатимся с тестем в Сандуны.

– Не гуторь гоп, пока коня не взнуздаешь! – заметил Сарматов, поливая мочой забинтованное предплечье американца.

– Думаешь, вертушка не прилетит? – с тревогой спросил Савелов.

– Пусть слон думает – у него голова большая, – недовольно бросил Сарматов.

Оставляя в розовом рассветном небе четкий инверсионный след, со стороны пакистанской границы появились два «Фантома». Сверкнув на вираже крыльями, они скрылись за отрогами, и скоро с той стороны гроыхнули взрывы, а через несколько секунд «Фантомы» легли на обратный курс и скрылись за хребтом.

– Ты думаешь?.. – Савелов схватил Сарматова за рукав. В голосе его была неприкрытая тревога.

– Сказал же: слон пусть думает!..

– Но это, это бандитизм!.. Международный разбой!.. – взорвался Савелов.

– Эх, Савелов!.. Чья бы корова мычала, а уж нашей-то лучше помолчать!.. Но тем не менее яйца отрывать рано.

– Какие яйца? – непонимающе вытаращил глаза капитан.

– Шутка, капитан, – усмехнулся Сарматов и крикнул: – Мужики, американца будем нести по очереди. А теперь ноги в руки – и полный вперед. Может, успеем, может, кто живой еще!..

– Есть, командир!.. – ответил Алан и, взвалив на плечи американца, трусцой пустился в бег. За ним сорвалась вся группа.

Забыв о маскировке, бойцы заторопились к тому месту, откуда должна была забрать их вертушка. Бежать было тяжело, но они в считанные минуты пересекли долину, преодолели каменные завалы и выскочили на плато, на котором, застилая небо черным дымом, догорал камуфлированный вертолет.

– Сушим весла, мужики! – вырвалось у Бурлака, он, не сдерживая ярость, крикнул: – Бля, чтоб рога на их тупых лбах выросли!.. Чем думали, посылая вертушку без прикрытия?!

Перед бойцами лежала грудка искореженного взрывом, оплавленного металла, бывшего еще час назад боевым вертолетом. И в ней покоилось два обгорелых трупа. Третий лежал чуть в стороне, метрах в пятнадцати. В его обугленной руке, словно пропуск на тот свет, торчала полетная карта, в другой был намертво зажат огрызок карандаша. На карте черной жирной линией, прочерченная отчетливо, выделялась свежая неровная стрелка, указывающая на кишлак в горных отрогах, расположенный на юго-западе от пакистанской границы. И прямо по карте, по оранжевым афганским горам и желтым плато было накарябано крупными буквами: «МАЙОР... ОБНАРУЖИЛ БАЗУ „ДУХОВ“... КИШЛАК ТАГАНЛЫ... ПЕРЕДАЛ НАШИМ... УМИРАЮ...»

– Спасибо, капитан! – глухо сказал Сарматов и закрыл ладонью синие неподвижные глаза пилота. – Зачем же ты согласился лететь без прикрытия, парень?..

– Бля, это племя интендантское горючку для истребителей небось загнало за «зеленые» на кабульском базаре! – опять взорвался Бурлак.

– Или в бодуне были после Дня Победы! – подхватил старший лейтенант Прохоров. – Что им наши жизни – бабы новых солдат нарожают!

Силин, словно очнувшись от летаргической полудремы, в которой он пребывал в последнее время, неожиданно зло крикнул Сарматову:

– Командир, ты вот говорил нам: «Задание, братва, государственной важности», а они положили с прибором на нас, на вертушку и летунов и на твое «государственной важности»!.. Да для всей их шоблы чем больше бардака, тем больше в масть!.. Чем дольше эта мясорубка, тем «зеленых» у них в карманах гуще!.. Что, не так, Сармат? Не так было в Анголе, в Мозамбике, в Сирии, а уж про Никарагуа я вообще молчу!

– Все так! – заорал в ответ Бурлак. – Только ты чего это командира лечишь? Он, что ли, тебя сюда послал, а сам в кабинете сидит и коньяк распивает? Он же тоже здесь, с нами, и ему, как и тебе, теперь смерть в улыбке скалится.

– Сцепились, тоже мне! – встал между ними Морозов. – Кончай базар! Ребят по-людски похоронить надо, а они отношения выясняют.

– Не надо! – громко произнес Сарматов. – Ничего здесь не трогать!

– Ты что, командир?! – вскинулся Алан. – «Духи» носы, уши резать будут!..

– Не трогать! – повторил Сарматов. – Если ребят похороним, то «духи» поймут, что мы здесь были, и по следу пойдут. А так они нас ждать будут. Не дождутся – могут подумать, что в «зеленке» напалмом нас накрыли... Не по-людски, конечно, ребят так оставлять, но что поделаешь! А сейчас уходим, пока пакистанская ИСИ не объявилась!..

– Надо этого пидора тут тоже оставить!.. Пусть ему уши режут! – внезапно взвился Силин и бросился на американца.

– Тыкву напекло! – отшвырнул его Сарматов.

– Тебе напекло! – крикнул Силин. – Как ты с ним все эти версты оттопаешь? Или он жмур, или мы все, непонятно, что ли?!

– Он, кажется, прав, майор! – глядя на Сарматова, подтвердил Савелов.

– Кажется – перекрестись! – оборвал его Сарматов и обратился к бойцам: – Мужики, у нас есть еще страховочная точка... Рандеву с вертушкой... в сорока километрах отсюда. Не будем терять времени! – Он показал на затянутые маревом скалы. – Туда, аллюр три креста, марш!

* * *

Футбольным мячом мотается за спиной Алана голова американца, пузырится на его губах кровавая пена. А над спасительными скалами, как маятник огромных божьих часов, мечется солнце, слепит глаза, заливают жарким потом лица и спины бойцов...

Достигнув скал, все в бессилии бросаются на камни, но жесткая команда Сарматова вновь поднимает их на ноги:

– Всем замаскироваться и приготовиться к бою!..

И едва группа успевает прийти в себя, как из-за хребта, со стороны пакистанской границы, появляются два тяжелых десантных вертолета с пакистанскими опознавательными знаками. На долину, где до этого царил мертвая тишина, обрушивается грохот мощных двигателей. Пройдя на бреющем полете над долиной и над скалами, вертолеты садятся впритык к подбитым советским вертолетам. Выскакивают солдаты-пакистанцы, грузят тела погибших летчиков и искореженные обломки вертолета.

– А металлолом им зачем? – удивленным шепотом спросил Савелов.

– Через сутки, думаю, узнаем, но дай бог, чтобы я ошибся! – ответил Сарматов и вновь принялся за бинокль. – Трое в гражданском... Ясно – цэрэушники взялись за дело!

Увидев, что вертолеты готовятся к взлету, он приказывает бойцам:

– Обнаружат – подпустим вплотную и из всех стволов!.. И учтите – там они оставили засаду, отрываемся сразу!..

Взлетев, вертолеты долго кружились над долиной, над скалами, отрогами, словно гигантские, уродливо мутировавшие птицы-падальщики, выискивающие добычу. Наконец они скрылись за хребтом, и все облегченно вздохнули.

– Да-а-а... – протянул Савелов. – Чуть не влипли. И как это ты вычислил, майор, что они вот-вот налетят?

– Не как, а чем, – ответил тот. – Задницей я их чувствую, капитан.

– Твоя задница случайно не знает, что нам делать дальше?

– А то как же! – кивнул Сарматов и обратился к группе: – Мужики, подтягивайтесь сюда!.. Значит, так. Следующая точка рандеву вот здесь. – И он показал пальцем место на карте. – Всего-то, как уже сказано, сорок километров, но... но «духи» нынче же на двадцать километров вокруг перекроют нам все тропы.

– Что предлагаешь, командир? – спросил Морозов.

– Уходить через хребет и вот по этому ущелью выбираться на место встречи с запасной вертушкой. Так выйдет крюк на все семьдесят километров, и пройти их надо за сутки с небольшим.

Бойцы, все, как по команде, повернулись и посмотрели на заснеженные пики хребта.

– У нас нет теплой одежды! – сказал, ежась, Савелов.

– Есть какие-нибудь предложения? – спросил его Сарматов.

– Зачем болтать много? – махнул рукой Алан. – Беседовать с апостолом Павлом ни у кого нет желания, значит, путь у нас один – через хребет... Только вот янки совсем плохой, командир...

– Ничем не могу ему помочь! – развел руками Сарматов. – Ну все, отдохнули – и в путь, братва!

И снова под ногами у бойцов похрустывали камни и катился над заснеженным хребтом раскаленный диск азиатского солнца. Бурлак и Алан шагали впереди группы, и солнце образовало у них над головами нестерпимо яркий, слепящий нимб.

– Смотри, майор, – показал на них Савелов с умешкой, – да они у нас святые!..

– Грешные они, Савелов, – совершенно серьезно ответил Сарматов. – Все на этой земле – грешные... Только мера греха у каждого своя...

Савелов кинул на него косой взгляд и спросил:

– О чем это ты, Игорь?

– О грехе!.. Или скажешь, что это понятие тебе не знакомо?

– А-а, ты о той старой дурацкой истории?.. Не забыл, значит?..

Сарматов промолчал. И Савелову стало ясно, что ничего он не забыл...

Вологда, 27 апреля 1982 года

За бетонным забором базы подготовки ОМСДОН (Отдельной мотострелковой дивизии оперативного назначения) шумел глухой таежный лес. На плацу шла обычная крутая тренировка. Здоровенные мужики преодолевали водно-грязевые препятствия, полосы огня, бросали ножи и топоры в движущиеся силуэты, крушили ладонями кирпичи и доски-горбылины.

В центре плаца орудий в двадцать луженых глоток круг, в котором метался, выискивая место прорыва, Сарматов. Через Алана, Бурлака, Силина не прорваться, напротив – мужики послабее... Выпад в их сторону и сальто со спины – назад, через весь круг. Ноги в полете отбрасывают Алана, кулак в солнечное сплетение Бурлаку и одновременный удар головой в подбородок Силина, но... но лейтенант Савелов обхватил Сарматова сзади и зажал гортань.

– Так, так! – одобрительно крикнул ему капитан Бардак, один из преподавателей учебки, кряжистый крепыш, прошедший огонь и воду. – Молодец, Сармат, теперь чуть назад и сцепить в замок руки на затылке Савелова...

Удалось! Взмахнув ногами в воздухе, Савелов вылетел чуть ли не под колеса тормозящего юзом гаизика. Из машины вылез высокий костистый полковник в каракулевой папахе и заорал во все горло:

– Сарматов, для беседы!..

Одной рукой он схватил подбежавшего Сарматова за плечо, другой ткнул в сидящего в «газике» офицера в погонах внутренних войск:

– В соседней области групповой побег из зоны. Человек двадцать... Разоружили охрану – и в бега. С оружием. Командуй своим архаровцам: «В ружье».

– Из зоны? – переспросил Сарматов. – Но эки не наш профиль...

– У всех у нас один профиль, старлей! – перебил его полковник. – Советская власть и приказ начальства. Смекаешь, о чем я?..

– Так точно! – отчеканил Сарматов.

Полковник наклонился ближе и продолжил свистящим шепотом:

– Сбежали одни убийцы, педерасты, прочая шушера. Патронов на них не жалеть, смекаешь, о чем я?..

– Да, но... – заикнулся было Сарматов, но его тут же перебили:

– Не мухортесь, не мухортесь, старлей! Потом спасибо скажешь!

– За что, товарищ полковник?.. – зло спросил Сарматов.

– За что? Да за то, что твои архаровцы кровушку живую, теплую здесь попробуют и поблуют, поблуют с нее здесь, а не там, куда вы предназначены, – жестко отрубил полковник. –

А кто киксанет, того к едрене фене – на списание, смекаешь, о чем я?.. Я даже Бардака с вами не пошлю, хоть он и лучший в Союзе скорохват!

Северный Урал, станция Харп, 29 апреля 1982 года

На Урале начался ледоход. В неумолимом стремлении к океану белые с голубыми подбрюшинами льдины с шипением и хрустом налегают друг на друга, разламываются на осколки, кружатся в грязно-черной воде...

Два вертолета «Ми-8» несутся над рекой на параллельных курсах.

Прильнувшие к блистерам «архаровцы» возбужденно перебрасываются репликами:

– Лиса на льдине, лиса!

– Какая лиса, собака это!

– Салага мокрогубый, сам ты собака!.. Говорю, лиса!

– Глянь-ка, глянь, трактор унесло!..

– Ой, мужики! Зайцы... зайцы, бя буду!

Напуганные ревом вертолета зайцы прыгают со льдины в воду, отчаянно барахтаются в ледяном крошеве.

Река уходит за скалистый поворот, и внизу проплывают озера с нетающим донным льдом. В обрамлении нежно-бежевых мхов распластываются зеленые острова оттаявшей на солнечных склонах брусники, заснеженные урманные пади и буреломные распадки. В одном из распадков виднелась группа одетых в черное людей. Присмотревшись, можно было заметить, что все они вооружены.

При появлении вертолетов эки сбились в кучу. А с первой вертушки тем временем несли усиленный динамиками голос Сарматова:

– Имею приказ – вести огонь на поражение! Предлагаю немедленно сложить оружие! В противном случае все будут уничтожены!

В ответ раздаются вспарывающие обшивку вертолета автоматные очереди. Под восторженные вопли и угарный мат машина начинает дымиться и, теряя высоту, тянется к луговине за распадком.

Когда оба вертолета плюхнулись на луговину, Сарматов стал громко отдавать команды:

– Взвод Хаутова отрезает им юг, взвод Савелова – сопки! Остальные со мной – гнать их к реке!.. Огонь по зеленой ракете. К выполнению боевой задачи приступить!

Тяжелый, глухой топот армейских сапог... Лязг оружия... Запаленное, хриплое дыхание... Автоматные очереди прерывают этот бег, и вместе с ними из-за моренных камней несутся мат и истеричные выкрики:

– Давай, давай, устроим сабантуй, менты поганые!

– Подходи ближе, сучары позорные!

– Братаны, мочить без пощады, мочить легавых!

По знаку Сарматова бойцы, маскируясь, охватили моренные камни полуколыцом. В синее небо ушла зеленая ракета. И тут же с южной стороны из-за буреломов и со стороны северных сопкок начали бить пулеметы. Крики и мат за камнями стихли. В довершение ко всему Бурлак положил точно перед камнями гранату. Когда дым от взрыва рассеялся, в наступившей тишине повис одинокий, тоскливый крик:

– Обложи-и-и-ли, су-у-уки! Ата-а-ас, кенты-ы-ы-ы!

Охваченные внезапной паникой заключенные перепуганным стадом бросались через луговину к обрывистому берегу реки. Автоматные очереди за спинами усиливали панику, убыстряя их бег. Достигнув реки, они растерянно стали метаться по крутому берегу. Впереди под обрывом их остановила лавина несущихся льдин, отделенная от береговых камней широ-

кой полосой черной воды. Позади и с боков неумолимо приближались рослые мужики в краповых беретах с закатанными по локоть рукавами... Выхода не было...

У одного из зэков, видимо, не выдержали нервы, и он от живота пустил в наступающих длинную, неприцельную очередь и тут же свалился на камни, сраженный ответными выстрелами.

При виде близкой смерти, дымящейся на ветру крови у большей части беглецов пропала охота сопротивляться дальше. Многие из них бросили оружие и по неистребимой лагерной привычке сбились в плотную кучу, с ужасом и отвращением глядя на «краповые береты».

– Хана, кенты! – засипел худющий зэк с белыми остановившимися глазами. – На нас спецназ спустили! Для натаски мы, вместо кроликов! Хана!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.